

А. Тихомиров

ЦЕРКОВЬ БУДУЩЕГО

Слова «Церковь» и «будущее» плохо вяжутся друг с другом. Нет, не то, чтобы они никогда не появлялись рядом, но... Обычно Церковь ассоциируется все-таки с прошлым. Особенно в нашем контексте. Дело не только в том, что наше прошлое своим внешним блеском намного затмевает настоящее и уж тем более ту неизвестность, то лежит впереди. Дело не во множестве старых церковных зданий, с которыми мы теперь часто не знаем, что делать. Дело не в увешанных орденами почтенных мужах с непроизносимыми немецкими именами и пышными бакенбардами на черно-белых портретах... Нет, дело не только в нашем богатом прошлом, за которое так хочется цепляться. Дело в самом нашем понимании сущности Церкви. Она – хранительница традиций, она передает истину, открытую раз и навсегда в глубине веков. Она консервативна и должна быть куда консервативнее, чем окружающее общество. Церковь постоянно *вспоминает*: о библейских событиях, о событиях своей истории, об утерянных ценностях, о заветах отцов... Словом, лицо Церкви обращено назад, в прошлое. Мы редко говорим об этом прямо, но обычно это подразумевается «по умолчанию».

Мне кажется, что мы, христиане, вообще редко думаем о будущем. О прошлом – сколько угодно! Конечно, мы отнюдь не отказываемся от планирования бюджета; наши календари заполнены записями о предстоящих встречах и мероприятиях на несколько лет вперед. Но речь не об этом. Речь не о построении планов и концепций. Речь о дерзновенном взгляде вперед, в грядущее. О стремлении понять, предощутить, что нас ждет впереди. О пророческом *видении*, может быть, даже (почему бы и нет!) сопряженном с трезвым богословским анализом. Почему же их, пророческих порывов, так не хватает? Нам скучно? Страшно? Мы думаем, что неспособны к такому? Или просто пассивно полагаемся на волю Господа?

Образы будущего – в том числе и будущего Церкви - мы обыкновенно оставляем писателям-фантастам. Кому-то это может показаться удивительным, но они охотно берутся за эту задачу. Есть немало фантастических романов, в которых описывается, как в будущем будет выглядеть, чем в будущем будет жить христианская Церковь. Вот, у Уолтера Майкла Миллера («Гимн Лейбовицу») Церковь после ядерной войны в мире, полном невежества и насилия, превращается в собирательницу ничтожных крупиц оставшихся человеческих знаний. Своеобразной наградой становится появление в момент новой катастрофы неожиданного, страшного, но дающего парадоксальную надежду образа непорочной Девы. Вот, в тетралогии Дэна Симмонса (начиная с «Гипериона») Церковь, сначала угасает, но потом, вступив в союз с недобрыми силами, постепенно становится могучей космической диктатурой, давая своим последователям телесное бессмертие уже на земле. Бессмертие, купленное страшной ценой. Однако внутри этой Церкви все же сохраняется подлинная вера, связанная с пониманием собственной слабости и бессилия, с образом креста... Подобных литературных примеров можно вспомнить множество. Некоторые из плодов воображения писателей могут показаться совсем уж дикими, неуместными, но даже у них можно кое-чему научиться; они могут помочь увидеть самих себя в новом свете, кое о чем задуматься. Хорошо, что такие книги есть.

Но и нам самим очень важно всматриваться в будущее Церкви: с дерзновением, с фантазией, с тревогой и надеждой. Некоторые богословы отваживались на это. И делали это последовательно и решительно. Едва ли не решительнее, чем самые смелые фантасты. Пожалуй, одно из самых впечатляющих *видений* мы находим у Дитриха Бонхеффера. В нацистских застенках он размышлял о судьбе Церкви в современном мире. Он пришел к выводу, что мир повзрослел, стал

«совершеннолетним» и больше не нуждается в религии. А это значит, что христианство в этом новом мире должно перестать быть религией и превратиться в нечто иное; совсем иначе, не через религиозные формы доносить до людей весть о Христе. И это не будет приспособленчеством. Отказавшись от религиозной «оболочки», Церковь вернется к своей сущности: «Меня постоянно волнует вопрос о том, чем является для нас сегодня христианство и кем — Христос... Мы приближаемся к абсолютно безрелигиозному периоду: люди просто уже не могут оставаться религиозными. Даже те, кто честно называют себя «религиозными», на деле вовсе не таковы: видимо, под «религиозностью» они понимают нечто иное... «Христианство» всегда было одной из форм (быть может, истинной формой) «религии». Если же в один прекрасный день окажется, что этой «априорности» вообще не существует, что это была временная, исторически обусловленная форма самовыражения человека, если люди и в самом деле станут радикально безрелигиозными — а я думаю, что в большей или меньшей степени это уже произошло (...) — то что же все это будет значить для «христианства»?... Как может Христос стать Господом и для нерелигиозных людей? Существуют ли безрелигиозные христиане? Если религия представляет собой лишь внешнюю оболочку христианства (да и эта оболочка в разные времена выглядела совершенно по-разному), что же это такое — безрелигиозное христианство?». Разумеется, никаких деталей Бонхеффер не прописывает. Но этими рассуждениями подтверждается его главный тезис: Церковь должна стать «Церковью для других». Она существует не ради себя самой и не сама по себе. И должна заботиться не о себе, в первую очередь. Она существует, чтобы служить миру, чтобы служить человеку. Мир, окружающие люди — предмет ее заботы. Церковь, не думающая об укреплении самой себя, а — следуя евангельскому призыву — отдающая себя, чтобы себя обрести. Такой он видит Церковь будущего.

С мыслями Бонхеффера можно соглашаться или спорить. Но его размышления вдохновляют на поиски новых путей, на взгляд в будущее, в неизведанное. Такой взгляд граничит с тем разделом богословия, который называется эсхатологией, то есть учением о «последнем», о конце: как всего мира, так и каждого отдельного человека. Но речь в ней идет не только и не столько о временных рамках, сколько о внутренней цели и смысле бытия нашего мира и каждого из нас. А ведь, правда: цель Церкви лежит вне ее самой. В небесном Иерусалиме не будет храма. В русском издании «Книги Согласия» содержится любопытная ошибка переводчика. В нашем тексте стоит, что Церковь «пребудет во веки». И это категорически неверно. В оригинале же сказано, что Церковь остается «во все времена». Но — не за их пределами. Не за пределами истории. Там Церковь уступит место Царству Божьему. Церковь не вечна. Она живет во времени. Во времени она движется вперед: из прошлого в будущее.

Итак, это движение носит двоякий характер. Церковь движется навстречу земному будущему, надеясь на перемены или страшась их. И Церковь движется навстречу Божьему будущему, навстречу вечности. Эти два движения различны, но тесно связаны друг с другом. В философско-фантастическом романе Франца Верфеля в далеком будущем главный герой встречает некоего «великоепископа». Тот учит: с каждым годом, с каждым мгновением мир уходит все дальше от Господа. Но и одновременно становится все ближе к Нему. Ведь с каждым годом мы все дальше от Эдема. Но все ближе к небесному Иерусалиму. Когда мы, повинувшись привычке, обращаем свои взгляды главным образом назад, то мы видим только первый аспект. Нам кажется, что мир все больше и больше погрязает в грехе и бесчестии, все дальше от Бога. Но взгляд в будущее может помочь нам увидеть и вторую сторону истории. Те пути, которые пугают нас, вызывают у нас — исходящих из прошлого опыта — неприятие, совсем не обязательно являются только дурными. «Человек действительно должен жить в безбожном мире и не имеет права пытаться посредством религии как-то прикрыть обезбоженность мира, просветлить ее; он должен жить “по-мирскому”,

именно так он соучаствует в страданиях Бога», - пишет Бонхеффер. Но это лишь один взгляд на будущее. Мы можем различать в его тумане и иные образы. Не менее спорные, но при этом яркие, волнующие, точно так же пробуждающие в нас мечту и желание действовать.

Мы привыкли смотреть в прошлое. В этом есть истина. Это правильно. Без этого нам нельзя. Но невозможно идти спиной вперед. Господь приближается к нам из будущего. «Он Сам идет навстречу, Он в будущем живет», - как поется в одном известном хорале. Это не значит принимать и одобрять все новое без разбора, это не значит: реформы ради реформ. Но не застывать на месте, не бояться нового, не бояться обновляться и самим, и в новом видеть действие Господа - это важно для христианина. Не застывать на месте. Христианская жизнь - не постоянное убегание в прошлое, каким бы замечательным оно ни было. И не попытка все законсервировать, остаться на выбранном месте, прочно обосноваться. Задача Церкви – в поисках, заблуждениях, ошибках, находках - идти вперед, «ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего».

Какой она будет Церковь будущего, какой она должна быть? Почему этим вопросом занимаются лишь фантасты!? Будущее – это исконно библейская, христианская тема! Давайте же размышлять над ней. Давайте же мечтать! И не надо бояться того, что в будущем Церковь будет еще дальше от Эдема, чем сейчас, ведь она одновременно будет и ближе к небесному Иерусалиму.

Антон Тихомиров